

Приглашение В... тупик

Еще раз о "социальной рыночной экономике"

ЕГОР ГАЙДАР

Хочу напомнить читателю, может быть, забытый им эпизод из далеких-далеких времен начала рыночных реформ в России: полемику, выплеснувшуюся на страницы многих газет и журналов из Кремлевского Дворца Съездов, где заседали народные депутаты. Антиреформаторы всех мастей — от красных до розовых, от явных до скрытых — нашли, как им казалось, беспрюжный повод критиковать правительство реформаторов и при этом доказывать, что сами они вовсе не против реформ. Просто правительство, мол, строит "не тот рынок". С трибуны Съезда доктор экономических наук Руслан Хасбулатов втолковывал депутатам, что капиталистическая рыночная экономика может быть американского типа — жестокая, индивидуалистическая, оставляющая обездоленных без общественной заботы, и европейского типа, социально ориентированная, нашедшая свое высшее выражение в "шведской социалистической модели экономики". И громко заявлял: правительство ведет нас к американскому капитализму, а народу нужен шведский социализм. Вывод понятен: правительство реформаторов должно

уйти в отставку, дать дорогу истинным сторонникам реформ, пекущимся о благе народа.

ТРИ ДОГМЫ, ТРИ ДОГМЫ...

Многие академические ученые поддержали этот тезис. Со старанием, достойным лучшего применения, они устремились в теоретические изыскания в области социально ориентированного социализма, вместо того чтобы изучать реально происходившие в новой России процессы и предлагать решение острейших проблем, одна за другой накатывавшихся на страну: угрозы голода, банкротства советского государ-

ства, растранившего все свои валютные ресурсы, инфляции, спада производства, немислимых трудностей становления забытых за долгие годы финансовых и правовых институтов нормальной рыночной экономики...

Ну что тут скажешь? Действительно, различие есть — не будем вдаваться в достоинства и недостатки обоих названных типов капитализма (как и иных, например японского). На эту тему имеется обширная литература. Но тогда с трибуны того же Съезда народных депутатов я говорил примерно следующее: давайте сначала отойдем от распределительной командной системы социалистической экономики, зложим основы рыночного хозяйства, а потом уже посмотрим, какую конкретную "модель капитализма" выбрать для России. Пока рано об этом дискутировать!

Может быть, следовало порассуждать более обстоятельно, но тогда я иного ответа не знал, да и размышлять над ним в горячке тех дней было просто некогда. Знаю, многие со мной не соглашались — в том числе и некоторые весьма серьезные экономисты, причислявшие себя к сторонникам так называемого градуалистского, эволюционного подхода к проблеме постсоциалистической трансформации. Их убеждение в том, что начатая первым правительством новой России радикальная рыночная реформа равносильна "разорению народа" и уже по этой причине не может привести к социально ориентиро-

ванному рыночному хозяйству, было одной из целого комплекса взаимосвязанных догм. Кроме этой, назову еще две:

— денежная стабилизация препятствует экономическому росту (иными словами, рост возможен и при высокой инфляции, бояться ее не надо),

— методы стабилизации неправильны, потому что сама инфляция не обязательно носит денежный характер — это “выдумка монетаристов” (горы статей и монографий посвящались анализу инфляции издержек. В них доказывалась не только ошибочность, но даже злонамеренность попыток бороться с инфляцией путем ограничения денежной массы).

Логика здесь такова: правительство напрасно ставит во главу угла борьбу с инфляцией и тем более напрасно пытается вести эту борьбу вредоносными “монетаристскими методами шоковой терапии”, вовлекая страну в джунгли “американской модели капитализма”.

Теперь, по прошествии пяти лет реформ (а для стран Восточной Европы — и семи-восьми лет), пришло время вернуться к прежнему спору и в этом ракурсе посмотреть на то, что происходит в странах, осуществляющих трудный постсоциалистический переход. Сейчас есть материал для размышлений на старую, но еще явно не устаревшую тему. Хочу предупредить, что выводы из этих размышлений в чем-то покажутся неожиданными.

НА ТЕРНИСТОМ ПУТИ РЕФОРМ

Почти три десятка государств — разных по уровню развития, масштабам и структуре экономики, национальным традициям и чаяниям — столкнулись в последние годы с проблемами, порожденными кризисом позднего социализма, а также самим постсоциалистическим перехо-

дом. За это время в них сменились десятки правительств — от ультралиберальных до последовательно коммунистических, были опробованы разнообразные варианты экономической политики. Каковы же результаты? При всем различии пройденных разными странами путей экономической трансформации внимательное изучение накопленного опыта выявляет некоторые общие тенденции, пробивающиеся через национальную специфику. Серьезное обсуждение экономико-политических проблем любой постсоциалистической страны без учета этих закономерностей сегодня уже невозможно.

Моя последняя работа была посвящена анализу природы постсоциалистического кризиса, его связи со структурными аномалиями социалистического развития, тех долгосрочных проблем, которые социализм оставляет в наследство возникающим на его руинах демократиям¹. Однако наряду с этими общими факторами на складывающийся характер новых постсоциалистических обществ оказывают воздействие и такие реалии, как различия в темпах и глубине реформ в разных странах, избранные варианты структурных преобразований, продолжительность периода высокой инфляции. Если социалистическое прошлое во многом задает социально-экономический генотип, то первые годы реформ — детство рыночной экономики. И то, как проходит это детство, во многом определяет перспективы развития на долгие годы. Тут все, как у человека.

Как же прошло детство новой системы? Для экономиста нет лучшего способа понять происходящее, чем углубиться в цифры, статистику. А она говорит о том, что в настоящее время мы являемся свидетелями завершения первого этапа постсоциалистической трансформации (если взять

ее в целом, отвлекаясь от частных отклонений), — или, если хотите, начала принципиально нового этапа.

Дело в том, что к настоящему времени большинству постсоциалистических стран удалось взять под контроль инфляцию, снизить ее масштабы до уровня, не превышающего 40% годовых (экономическая наука, по ряду соображений, считает этот уровень критическим), и начать наращивать объемы производства. Об этом лучше всего говорят сводные таблицы 1 и 2.

Эти таблицы, при их внимательном рассмотрении, дают достаточно полный ответ нашим критикам, убедительно развенчивают их догмы.

Возьмем вопрос о том, является ли денежная стабилизация необходимой предпосылкой восстановления экономического роста или, напротив, только рост объема производства позволяет стабилизировать финансы и денежное обращение. Или еще проще: можно ли жить с высокой инфляцией? Вообще-то, экономическая литература всегда давала на этот вопрос отрицательный ответ, несмотря на то, что истории были известны и отдельные исключения из правила. Таблицы показывают, что и в постсоциалистических странах (тоже при немногочисленных исключениях) действует общая закономерность: высокая (превышающая 40% годовых) инфляция создает серьезные препятствия на пути восстановления экономического роста. *В подавляющем большинстве случаев рост ВВП начинается лишь после того, как мерами денежной политики удастся свести инфляцию к более низким значениям.* Торможение инфляции — разумеется, недостаточная предпосылка устойчивого экономического роста, но по меньшей мере необходимая.

До последнего времени в качестве контрпримеров, призванных продемонстрировать возмож-

¹ Гайдар Е. Аномалии экономического роста. М., 1997.

ность устойчивого экономического роста и при высокой инфляции, наши оппоненты приводили опыт Болгарии и Румынии. Развитие событий в Болгарии в 1996 году, когда вспышка инфляции сопровождалась новым спадом производства, катастрофическим снижением и без того низкого уровня жизни населения, тотальным дефицитом и проявлением других до боли знакомых черт социализма, позволяет поставить точку на этом аргументе антиреформаторов. Да и в Румынии наметившееся в 1996 году сочетание ускорения инфляции и снижения темпов экономического роста также явилось тревожным симптомом.

Есть достаточно мощные политические силы в России, которые толкают и нашу страну на повторение "болгарского варианта" — отказа от антиинфляционной политики. Приведенные в таблицах цифры предупреждают о пагубности такого пути.

МОЖНО ЛИ ЖИТЬ С ИНФЛЯЦИЕЙ?

Говоря о том, что "и с инфляцией можно жить", наши оппоненты вовсе не утверждали, что в принципе с инфляцией бороться не следует. Только надо делать это, мол, щадящим образом, постепенно (отсюда и термин "градуализм", что означает принцип постепенности).

Всем известно, что среди постсоциалистических стран выделились две противоположные группы. В первой из них национальные политические элиты оказались способными реализовать энергичную программу дезинфляции. В результате именно эти страны — Польша, Словения, Эстония и другие — раньше всех преодолели кризис и начали наращивать объемы производства (сравните соответствующие строки в таблицах 1 и 2). В иных же странах сменявшие друг друга правительства в течение длитель-

ного периода пытались решать проблемы выхода из кризиса за счет ускорения темпов роста денежной массы, что, конечно же, обосновывалось заботой о поддержании производства и о решении социальных проблем. Приведенный пример Болгарии — лишь самый актуальный, свежий. Ана-

логичный путь — хотя каждая со своими особенностями — прошли Украина, Армения, Казахстан, Туркменистан, Югославия и многие другие государства. Повсюду результаты были стандартными, хорошо описанными в литературе, посвященной экономике популизма: ускорение инфля-

Таблица 1

Инфляция в странах Восточной Европы, Балтии и СНГ*

<i>Розничные / потребительские цены (на конец года)</i>						
	1991	1992	1993	1994	1995	1996
					<i>Оценка</i>	<i>Прогноз</i>
Страны	<i>(изменение в процентах)</i>					
Азербайджан	126	1395	1294	1788	86	15
Албания	104	237	31	16	6	20
Армения	25	1341	10996	1885	32	19
Беларусь	93	1558	1994	1957	244	61
Болгария	339	79	64	122	33	165
Венгрия	32	22	21	21	28	22
Грузия	131	1176	7488	7144	65	23
Казахстан	150	2567	2169	1160	60	26
Кыргызстан	170	1771	1366	87	32	27
Латвия	262	958	35	26	23	19
Литва	345	1161	189	45	36	26
Македония	115	1935	230	55	9	2
Молдова	151	2198	837	116	24	18
Польша	60	44	38	29	22	19
Россия	144	2318	841	203	131	25
Румыния	223	199	296	62	28	60
Словакия	58	9	25	12	7	6
Словения	247	93	23	18	9	10
Таджикистан	204	1364	7344	5	1500	200
Туркменистан	155	644	9750	1330	1000	250
Узбекистан	169	910	885	1281	117	35
Украина	161	2000	10155	401	182	55
Хорватия	249	937	1150	-3	4	5
Чехия	52	13	18	10	8	9
Эстония	304	954	36	42	29	24

* Данные за 1990–1995 гг. представляют собой последние официальные оценки и соответствуют публикациям национальных правительственных и ряда международных органов, научных институтов; данные за 1996 г. — предварительные.

Таблица 2

Рост ВВП в реальном исчислении в Восточной Европе, Балтии и государствах СНГ

	1990	1991	1992	1993	1994	1995 Оценка	1996 Прогноз	Оценка уровня реального ВВП в 1995 г.	Прогноз уровня реального ВВП в 1996 г.
Страны	<i>(Изменение в процентах)</i>							<i>(1989=100) (1989=100)</i>	
Азербайджан	-11,7	-0,7	-22,6	-23,1	-21,2	-8,3	-3,5	38	36
Албания	-10,0	-27,7	-9,7	11,0	9,4	8,6	5,0	77	81
Армения	-7,4	-10,8	-52,4	-14,8	5,4	6,9	6,5	38	40
Беларусь	-3,0	-1,2	-9,6	-10,6	-12,2	-10,2	-5,0	61	58
Болгария	-9,1	-11,7	-7,3	-2,4	1,8	2,6	-4,0	76	73
Венгрия	-3,5	-11,9	-3,1	-0,6	2,9	1,5	1,5	86	87
Грузия	-12,4	-13,8	-40,3	-39,0	-35,0	2,4	8,0	18	20
Казахстан	-0,4	-13,0	-13,0	-12,0	-25,0	-8,9	0,5	45	46
Кыргызстан	3,2	-5,0	-19,0	-16,0	-26,5	1,3	2,0	50	51
Латвия	2,9	-8,3	-35,0	-16,0	0,6	-1,6	1,0	51	52
Литва	-5,0	-13,4	-37,7	-24,2	1,0	3,1	1,5	40	41
Македония	-9,9	-12,1	-21,1	-8,4	-4,0	-1,5	3,0	54	56
Молдова	-2,4	-17,5	-29,0	-1,0	-31,0	-3,0	4,0	38	39
Польша	-11,6	-7,0	2,6	3,8	5,2	7,0	5,0	99	103
Россия	-4,0	-13,0	-14,5	-8,7	-12,6	-4,0	-3,0	55	53
Румыния	-5,6	-12,9	-8,8	1,3	3,9	6,9	4,5	84	88
Словакия	-2,5	-14,6	-6,5	-4,1	4,8	7,4	5,5	84	89
Словения	-4,7	-8,1	-5,4	1,3	5,3	3,5	3,0	91	94
Таджикистан	-1,6	-7,1	-29,0	-11,1	-21,5	-12,5	-7,0	40	37
Туркменистан	2,0	-4,7	-5,3	-10,0	-20,0	-10,0	0,0	60	60
Узбекистан	1,6	-0,5	-11,1	-2,3	-4,2	-1,2	-1,0	83	82
Украина	-3,4	-9,0	-10,0	-14,0	-23,0	-11,8	-7,0	46	43
Хорватия	-8,6	-20,0	-10,0	-3,7	0,8	2,0	5,0	65	68
Чехия	-0,4	-14,2	-6,4	-0,9	2,6	4,8	5,1	85	90
Эстония	-8,1	-11,0	-14,2	-8,5	-2,7	3,2	3,0	64	66

ции, бегство от национальных денег, резкое падение валютного курса, долларизация экономики, усиление социальной дифференциации и дальнейший спад производства. В этих странах постсоциалистический кризис оказался более продолжительным, а падение производства, как правило, более глубоким. К этой группе примыкает и Россия, в которой две противоположные тенден-

ции, олицетворенные в двух ветвях власти, законодательной и исполнительной, до сих пор с переменным успехом борются между собой, причем последние годы при явном преимуществе законодательной ветви власти, сумевшей существенно затормозить ход реформ.

В некоторых случаях для того, чтобы национальные органы власти убедились в том, что

программу денежной стабилизации все-таки хочешь не хочешь, а придется реализовывать, потребовались несколько всплесков инфляции. Так произошло в Югославии, где последний всплеск дошел до миллионных процентов.

Опыт показал: постсоциалистическую денежную стабилизацию можно откладывать, но отказаться от нее — нельзя.

НА ЭМИССИОННОЙ "ИГЛЕ"

Откладывание же, как оказалось, ведет к весьма неприятным последствиям, в том числе и имеющим непосредственное отношение к теме этой статьи. Страны, вставшие на путь медленных, "щадящих" реформ, в течение первых лет постсоциалистического развития активно используют эмиссионные кредиты ЦБ (то, что в обиходе называют включением печатного станка). Они высокими темпами наращивают номинальную денежную базу и денежную массу для финансирования государственных расходов. Действительно, чем больше у правительства "бумажек", тем легче ему находить деньги на финансирование государственных расходов независимо от того, сколько ему действительно удастся собрать денег — прежде всего в виде налогов. Это называется относительной автономией государственных расходов от государственных доходов. Она дает возможность крупномасштабного финансирования дотаций, программ поддержки производства, социальных расходов, словом, возможность реализации мягкой бюджетной политики. (Но так, повторюсь, происходит лишь в первые годы постсоциалистического развития, пока действие инфляционного наркотика не "выдохнется".)

Напротив, успешная денежная стабилизация заставляет резко ограничить масштабы эмиссионного финансирования, сужает возможность маневра в бюджетной политике. Это заставляет правительства обратить повышенное внимание на два других потенциальных источника финансирования бюджетного дефицита: привлечение средств с внутреннего финансового рынка и внешнее финансирование (то

² Коэффициент монетизации экономики — отношение "широких денег" к ВВП. "Широкие деньги" включают наряду с M_2 также валютные депозиты национальных банков, номинированные в конвертируемой валюте.

есть займы у других стран и международных финансовых организаций). Масштабы возможных заимствований на внутреннем финансовом рынке непосредственно зависят от развития отечественной денежной системы (доля денег M_2 в ВВП, коэффициент монетизации экономики²). Потенциал внешних заимствований определяется масштабами накопленной задолженности, кредитной историей, репутацией страны на международных финансовых рынках. Для крупной страны, находящейся в постсоциалистическом кризисе, верхние пределы возможного внешнего финансирования невелики. Например, займы России у МВФ, о которых столько говорят, на самом деле составляют незначительную долю ВВП страны.

Отсюда вывод: протяженность и интенсивность постсоциалистического инфляционного кризиса — существенный параметр, оказывающий влияние и на возможности финансового маневра в процессе стабилизации, и на долгосрочные характеристики национальной денежной системы в постстабилизационном периоде. Страны, которые провели быструю и радикальную дезинфляцию (или не прошли период экстремально высокой инфляции, как Венгрия и Чехия), теперь получили значительную свободу маневра в области бюджетной политики, могут позволить себе большие объемы внутреннего финансирования дефицита бюджета, сохраняют высокий уровень монетизации экономики. Страны же, в которых дезинфляция осуществлялась медленно и непоследовательно, где из-за этого период высокой инфляции растянулся, — эти страны вынуждены позднее, на этапе стабилизации, более жестко контролировать внутреннее финансирование дефицита бюджета. Они почти неизбежно сталкиваются с острым бюджетным кризисом, задолженностями, неплатежами и т.п. Вот и

получается, что теперь для них свобода финансового маневра меньше, чем для стран, обеспечивших форсированную денежную стабилизацию. Польша могла себе позволить сочетание довольно высокого дефицита бюджета в размере 7% в 1991 году и 6,9% в 1992 году с последовательным снижением темпов инфляции. В России же даже скромные по международным стандартам масштабы заимствований на внутреннем финансовом рынке (3,2% ВВП в 1995 г.) дали толчок быстрому росту расходов на обслуживание государственного долга, и это серьезно осложнило финансовую ситуацию.

Таким образом, выявилась закономерность: *чем мягче финансовая политика и более масштабны, соответственно, бюджетные дефициты в периоды высокой инфляции, тем более жесткой должна быть финансовая политика позднее, на этапе стабилизации. Увы, за все приходится рано или поздно расплачиваться, причем "с процентами"!*

ПРОБА НА "ШВЕДСКИЙ ВАРИАНТ"

Здесь самое время вернуться к главной теме статьи — "шведскому варианту". Различия "шведского", "американского" и других вариантов капитализма политологи, социологи, журналисты описывают самыми разными красками. Для экономиста же они, при прочих разных частностях, концентрируются в одной цифре: доле государственных расходов или доходов в ВВП. Чем она больше, тем более широки возможности государства в социальной сфере. В той же Швеции на протяжении многих лет эта доля превышала 60% — что намного больше, чем могут позволить себе другие страны столь же высокого уровня экономического развития. Действительно, здесь существует вызывающая

всеобщее восхищение система пенсионного обеспечения, здравоохранения и социальной защиты человека в целом. Обращение к примеру Швеции было, разумеется, не случайно. Но всякая медаль имеет обратную сторону. История шведского социализма — это история уникально эффективной и жесткой налоговой системы в национально- и культурно-гомогенной стране с высоким уровнем лояльности налогоплательщиков. Но это и история государственной перегрузки экономики, приводящей к хроническому кризису роста, отставанию от стран-конкурентов. Сами шведы это уже поняли.

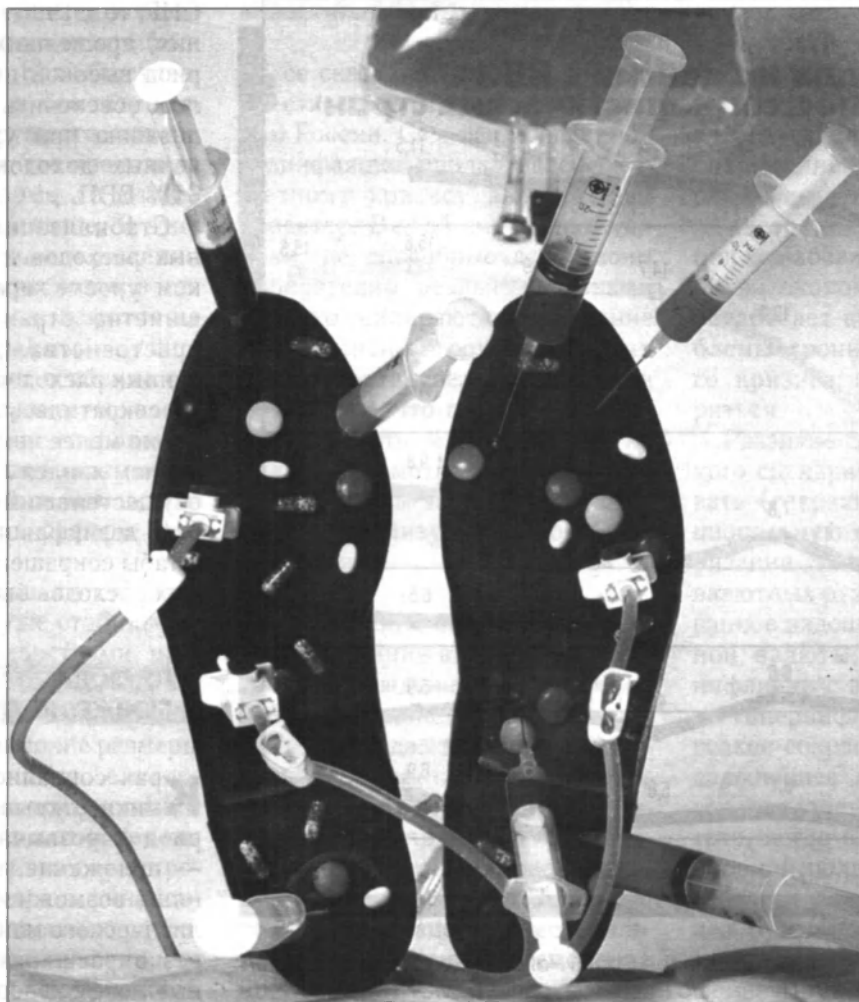
Как же складывается доля государственных расходов в ВВП в странах постсоциалистического пространства?

Начало реформ, либерализа-

ция экономики, перевод подавленной инфляции в открытую, сокращение инфляционной нагрузки на экономику — все это позволяет на первых порах радикально поправить положение бюджета. Однако с прогрессом денежной стабилизации, снижением темпов инфляции, выпадением инфляционных доходов, соответствующим снижением налога на прибыль доходы бюджета вновь сокращаются. Параллельно процесс структурных реформ увеличивает долю социальных расходов в бюджете. Это противоречие порой выливается в бюджетный кризис. Лишь с началом экономического роста адаптация налоговой системы к работе в условиях рынка и низкой инфляции, рост доходов бюджета позволяют справиться с бюджетным кризи-

сом. Разумеется, это стилизованная картина. И все же она неплохо описывает развитие событий в Восточной Европе.

В постсоветском же пространстве развертывание финансового кризиса было модифицировано длительностью периода высокой открытой инфляции. Здесь со всей силой проявилась тенденция падения налоговых поступлений в условиях высокой инфляции (эффект Танзи) — хорошо изученный экономический феномен. Постсоциалистический опыт позволяет обогатить представление о механизме этого процесса. Длительная высокая инфляция формирует так называемую мягкую финансовую среду. Нет эффективного механизма, обеспечивающего ответственность за выполнение финансовых обяза-

тельств. Массовой формой ухода от налогов становятся взаимные неплатежи. Пренебрежительное отношение к налоговым обязательствам укореняется как социальная норма.

Между тем, как известно, дурные налоговые традиции легко сформировать и очень трудно изменить — они становятся самостоятельным фактором, оказывающим влияние на долгосрочные перспективы бюджетной политики. Когда политическая власть, наконец, осознает необходимость денежной стабилизации, ограничения темпов роста денежной массы и, соответственно, масштаба бюджетного дефицита, увы, оказывается поздно: все это отнюдь не сопровождается немедленным ростом налоговой дисциплины. *В результате*

в странах, избравших путь “мягкого” вхождения в рынок, прошедших период длительной и высокой инфляции, приходится сокращать государственные расходы до уровней, существенно более низких, чем в странах, осуществивших стратегию радикальной дезинфляции.

В Польше доходы бюджета (включая внебюджетные фонды) резко снизились в 1990 году, но уже в 1991 году они начали расти, затем стабилизировались на уровне, близком к 50% ВВП. Такие же тенденции были характерны для Словении. В Словакии, Чехии, Венгрии, где дореформенная доля государственных доходов была необычно высока даже по социалистическим стандартам, она постепенно сни-

жалась (примерно на 10 процентных пунктов ВВП) и так же стабилизировалась на уровне, близком к 50% ВВП. К настоящему моменту из постсоветских государств, завершивших денежную стабилизацию, сумели приспособить объем государственных обязательств к заданным доходам лишь там, где политика дезинфляции была наиболее последовательной (Латвия, Эстония).

В восточноевропейских странах, избравших стратегию медленной дезинфляции, падение государственных доходов было более глубоким. В Румынии они сократились более чем на 15%. Данные о динамике расходов бюджета в Болгарии позволяют предположить, что и здесь падение доходов было не менее значительным.

Что же касается государств СНГ, то к 1996 году ни одному из них, прошедших длительный период высокой инфляции, не удалось обеспечить денежную стабилизацию при уровне государственных доходов, превышающем 35% ВВП.

Стабилизация государственных расходов и доходов на низком уровне характерна для большинства стран постсоветского пространства. Доля государственных расходов в ВВП за эти годы сократилась здесь, как правило, не менее чем на 15%. Исключением явился лишь Кыргызстан, осуществивший самую быструю в СНГ дезинфляцию, — здесь масштабы сокращения государственных расходов были ниже.

¹ Golinowska S. Institutional Reforms in the Social Policy — Economic Scenarion for Poland. Warsaw, 1997. Данные по России — расчеты ИЭПП.

**ПРИРОДА
БЮДЖЕТНОГО КРИЗИСА**

Крах социалистической экономики открывает короткий период “чрезвычайной политики” — положение, при котором границы возможного экономико-политического маневра государства резко расширяются, традиционные лобби дезориентированы, не

успели приспособиться к радикально изменившимся условиям. В это время оказывается возможным проведение политики максимально жесткого сокращения дотационной нагрузки на бюджет. В сочетании со стабилизацией на относительно высоком уровне государственных расходов это оставляло свободу маневра не только для стабилизации, но в ряде случаев и для роста доли социальных расходов в ВВП.

Там же, где процесс преобразования оказался растянутым, открывшееся после социализма "окно возможностей" было использовано существенно слабее. К моменту, когда власть начала понимать необходимость торможения инфляции, лобби поддержки отраслевых интересов уже успевало перестроиться, приспособиться к новым условиям. Отсюда — существенно большие трудности сокращения бюджетных расходов. Если государственные доходы к моменту стабилизации здесь существенно ниже, чем в странах, где проходили радикальные реформы, то дотационная нагрузка — выше. В этой ситуации тяжесть сокращения государственных расходов в определяющей степени ложится на социальные программы — у них нет мощных лобби, особенно отраслевых. В результате, здесь возможности финансирования социальных расходов оказываются существенно ниже, чем в странах радикальных реформ (см. график).

Пока мы сравнивали стабилизирующиеся или уже стабильные экономики с государствами, продолжающими инфляционную политику, отличительными чертами последних были высокие размеры бюджетного дефицита, его покрытие из эмиссионных источников, быстрый рост цен и денежной массы. Но при этом — широкая свобода маневра в финансировании государственных расходов. Переход к анализу функционирования в условиях денежной

стабилизации и постстабилизационного развития радикально меняет картину. Выясняется, что характерными особенностями отложенной стабилизации оказываются более жесткая заданность бюджетной политики, предельно ограниченные возможности внутреннего финансирования дефицита бюджета, вынужденная радикальная рестрикция государственных расходов, происходящая в первую очередь за счет их социального компонента. *Напротив, радикальная политика дезинфляции обеспечивает существенно большую свободу финансового маневра, позволяет стабилизировать на высоком уровне бюджетные расходы и увеличить финансирование социальных программ.*

ВЫБОР РОССИИ

Все сказанное имеет непосредственное отношение к судьбам России. Сам факт медленной дезинфляции придавал здесь бюджетному кризису вялотекущий характер. В этой ситуации политики, не способные дать своим избирателям реальные деньги, нередко усиливают соревнование в экспансии государственных обязательств, увеличивая разрыв между тем, что государство обещало сделать, и тем, что ему по силам. Рассмотрим альтернативные варианты экономической политики, реализуемые в подобных ситуациях:

1 Сохранение статус-кво. Именно такая линия в России заложена в утвержденном бюджете на 1997 год. Бюджет продолжает линию 1996 года, включает заведомо нереальные гипотезы динамики государственных доходов. Финансирование ограничено наличными финансовыми ресурсами, бюджет остается важнейшим источником финансовой нестабильности в экономике. Изменение пропорций распределения бюд-

жетных ресурсов способно временно перераспределить бремя недофинансирования (снизить задолженность по пенсиям, денежному довольствию военнослужащих), но лишь путем усугубления проблем в других бюджетных сферах (образование, здравоохранение, наука). Текущее распределение финансовых ресурсов в этой ситуации определяется давлением различных социальных и профессиональных групп на федеральные, региональные и местные органы власти. Сохранение за бюджетом роли генератора финансовой нестабильности делает крайне маловероятной реализацию действенных мер по повышению доли государственных доходов в ВВП.

2 Возврат к масштабному эмиссионному кредитованию дефицита бюджета, попытка на этой основе обеспечить выполнение государственных обязательств. Именно к такому развитию событий подталкивает длительное сохранение статус-кво. Постепенно память о жизни в условиях экстремально высокой инфляции ослабевает, и негласное табу на экономический популизм ослабевает вместе с ней. А проблемы хронического бюджетного кризиса продолжают обостряться.

Развитие событий в рамках такого сценария легко прогнозировать (сокращение спроса на национальную валюту, рост долларизации экономики, истощение валютных резервов ЦБ, форсированное падение курса национальной валюты, резкое ускорение инфляции с возможным выходом на гиперинфляционный уровень, резкое сокращение денег в ВВП, дальнейшее падение доли доходов государства в ВВП). В результате, когда возврат к стабилизационной политике окажется неизбежным, торможение роста цен будет обеспечено при доходах, расходах и доле денег в ВВП, существенно более низких, чем

сегодня (весна 1997 г.). Кризис существенно расширит свободу политического маневра, вынудит резко сократить государственные обязательства. *1—2 таких эксперимента, и страна вовсе останется без важнейших элементов социальной политики, в частности без пенсионной системы.*

3 Осуществление реформ, обеспечивающих повышение эффективности бюджетных расходов, ограничение объема государственных обязательств реальными доходами. Иными словами — жизнь по средствам. В сложившихся условиях только этот вариант позволит справиться с бюджетным кризисом. Раньше или позже он будет реализован. При этом уровень государственных расходов и обязательств, достижимый на основе таких реформ, связан обратной зависимостью с периодом времени до начала их реализации. То есть отсрочка реформ прокладывает дорогу дальнейшему падению доходов бюджета, популистским экспериментам и в среднесрочной перспективе ведет лишь к тому, что вынужденное ограничение роли государства в экономике будет более глубоким.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Подведем итог. Какие перспективы раскрываются сегодня между странами, которые провели радикальные реформы, и теми, кто в той или иной мере от них отказался?

В первых завершение денежной и бюджетной стабилизации, начало экономического роста подводит черту под периодом “чрезвычайной политики”. Сформировавшаяся структура бюджета, денежной системы обретает устойчивость. Любые радикальные изменения в этих условиях политически трудно реализуемы.

В условиях социально-эконо-

мической стабильности снизить уровень социальной нагрузки на экономику крайне сложно. Например, в Польше уже широко осознана серьезность долгосрочных проблем социальной перегрузки экономики. Но и там наиболее радикальные варианты пенсионных реформ, предложенные в начале 1997 года организацией, известной своими последовательно либеральными взглядами (CASE), предполагали снижение доли пенсий в ВВП с 15,5% в 1996 году до 15,1% в 2005 году. Отсюда серьезный риск того, что, исчерпав потенциал послекризисного восстановления, адаптации к рыночным условиям, государства этой группы будут демонстрировать хронически низкие темпы экономического роста. Эффективность национальной налоговой системы, позволяющей финансировать аномально высокий уровень государственных расходов, объективно провоцирует их расширение. Применительно к уровню развития стран Вишеградской группы (Польша, Венгрия, Чехия) их сегодняшняя государственная нагрузка не менее аномально высока, чем шведская для высокоразвитых государств. *Путь радикальных постсоциалистических реформ и быстрой дезинфляции на практике оказался путем в мир “шведского социализма” с его достоинствами, но и с его же характерными проблемами, в том числе проблемой замедленного экономического роста.*

В какой степени национальные политические элиты Вишеградских стран окажутся способными справиться с этим вызовом стабильности и своевременно, не дожидаясь новых кризисных явлений, проведут реформы, открывающие дорогу ускорению роста, покажет будущее.

В постсоветских государствах (за исключением стран Балтии) незавершенность процессов денежной и бюджетной стабилизации не позволяет однозначно

прогнозировать уровень государственной, и в частности социальной, нагрузки на экономику. Многие будут зависеть от способностей национальных политических элит провести либеральные реформы, наличия для них социальной базы. *Но с какими бы перспективами социально-экономического развития не пришлось столкнуться в ближайшие годы, одно можно сказать определенно: “шведский путь” с его специфическими аномалиями и проблемами роста на ближайшие годы для них надежно закрыт.*

Если мы, как говорилось, определим уровень “социальности” рыночной экономики показателями доли государственных доходов и государственных расходов на социальные нужды в ВВП, а радикальность постсоциалистических реформ — темпами дезинфляции, то выясняется, что уровень “социальности” формирующейся рыночной экономики прямо и однозначно связан с тактикой реформ: чем радикальнее были реформы, чем быстрее был преодолен постсоциалистический инфляционный кризис, тем больше оказывается итоговая государственная нагрузка на экономику. Анализ накопленного опыта показывает: вне зависимости от собственных устремлений и идеологических пристрастий именно радикальные реформаторы постсоциалистического мира объективно вели свои страны по пути к социальной рыночной экономике. *Напротив, те, кто выступал за “мягкое”, медленное вхождение в рынок, инфляционное финансирование и т.п., так же вне зависимости от личных устремлений объективно подталкивали свои страны к необходимости предельно жесткой десоциализации.*

Таков итог давнего спора. Его подвела общественная практика — действительно, лучший критерий истины...